

Наверно, не найдётся читателей немолодого поколения, кому бы не были известны слова из песни конца 50-х годов:

**Люди мира, на минуту встаньте!
Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон -
Это раздаётся в Бухенвальде
Колокольный звон, колокольный звон!
Это возродилась и окрепла
В медном гуде праведная кровь.
Это жертвы ожили из пепла
И восстали вновь, и восстали вновь.
И восстали,
И восстали,
И восстали вновь!**

Многие, конечно, могут сказать: это "Бухенвальдский набат" - Вано Мурадели.
Да, это песня, которая мгновенно возвела опального, низложенного в 1946 г. (в Ждановскую эру) композитора, снова на самый гребень славы.
Однако, кто же автор этих пронзительных, даже не нуждающихся в музыке, бьющих, как набат, слов? Многие ли назовут автора, не заглянув в интернет?
Но интернет у нас не так уж давно, всего каких-нибудь 10-11 лет, а до интернета автор слов, облетевших весь земной шар и переведённых на множество языков мира, более 40 лет оставался просто неизвестен. А ведь эта песня, 50 лет тому назад буквально всколыхнувшая весь мир, а не только советских людей, звучит очень актуально и сегодня для всего человечества, испытывающего угрозу ислама. Как же могло случиться, что автор такой песни, таких слов остался неизвестным? Очень просто: упоминание имени автора при исполнениях намеренно избегалось, не рекомендовалось.
Считалось, что достаточно одного звучного грузинского имени Мурадели, и так и пошло, и так

оно закрепилось.

Фамилия Соболев не бросила бы тени на песню, но в 5-й графе паспорта автора стояло: "еврей" и имя Исаак. Имя Исаак годилось для ленинградского собора, построенного в 1858 году Огюстом Монферраном, но для автора "Бухенвальдского набата" звучало, вероятно, диссонансом.

Автор "Бухенвальдского набата" Исаак Владимирович Соболев родился в 1915 году в селе Полонное Винницкой обл., неподалёку от Киева, в бедной, многодетной, еврейской семье. Исаак был младшим сыном в семье. Фамилия его с рождения была Соболев, благодаря прадеду - кантонисту, прослужившему на царской службе в армии 25 лет. Кантонистам в царской армии для простоты обращения присваивались фамилии их командиров. Исаак начал сочинять стихи с детства, всегда шептал их про себя. Отец, заметив, что он постоянно что-то шепчет, сказал матери озабоченно: "Что он всё бормочет, бормочет. Может, показать его доктору?".

Когда он окончил школу, школьный драмкружок на выпускном вечере показал спектакль по пьесе, написанной им: "Хвосты старого быта".

В 1930 году умерла мать, отец привёл мачеху в дом. Ему было 15 лет:

положив в плетёную корзинку пару залатанного белья и тетрадь со своими стихами, в которой уже были пророческие строчки, предсказавшие его нелёгкий в жизни путь:

"О, как солоны, жизнь, твои бурные, тёмные воды! Захлебнуться в них может и самый искусный пловец..."

Исаак уехал к старшей сестре в Москву. Там он поступил в ФЗУ, выучился на слесаря и стал работать в литейном цехе на авиамоторном заводе.

Вступил в литературное объединение и вскоре в заводской газете стали появляться его стихи и фельетоны, над которыми хохотали рабочие. В 1941 году, когда началась война, Исаак Соболев ушёл на фронт рядовым солдатом, был пулемётчиком стрелковой роты на передовой. Во время войны он продолжал писать стихи и статьи, которые печатались во фронтовой газете, там ему предложили печатать их под именем Александр, отсюда и закрепился за ним псевдоним Александр Соболев. В конце 1944 года после нескольких ранений и двух тяжёлых контузий Соболев вернулся в Москву сержантом, инвалидом войны второй группы. Вернулся он снова на авиамоторный завод, где стал штатным сотрудником заводской газеты.

Помимо заводской газеты его стихи, статьи, фельетоны стали появляться в "Вечерней Москве", "Гудке", "Крокодиле", "Труде". В редакции заводской газеты он встретил Таню, русскую, белокурую девушку - свою будущую жену, которая оставалась для него до самого его последнего вздоха другом, любимой, путеводной звездой, отрадой и наградой за всё недополученное им от жизни. Вместе они прожили 40 счастливых, полных взаимной любви, лет.

Его статьи в заводской газете о злоупотреблениях с резкой критикой руководства скоро привели к тому, что его, беспартийного еврея, невзирая на то, что он был инвалидом войны, а их по советским законам увольнять запрещалось, уволили по сокращению штатов. Начались поиски работы: "хождение по мукам".

Отчаяние, невозможность бороться с бюрократизмом, под которым надёжно укрывался разрешённый властями антисемитизм, порождали у Соболева такие стихи:

**О нет, не в гитлеровском рейхе,
а здесь, в стране большевиков,
уже орудовал свой Эйхман
с благословения верхов ...
Не мы как будто в сорок пятом,
а тот ефрейтор бесноватый**

**победу на войне добыл
и свастикой страну накрыл".**

Здоровье Соболева резко ухудшилось, и ему пришлось провести почти 5 лет в различных больницах и госпиталях. В результате врачи запретили ему работать, выдав заключение: нетрудоспособен. В довершение ко всему, его жену - журналистку, радиорепортёра - уволили из Московского радиокомитета заодно с другими евреями - журналистами в 1954 году, пообещав восстановить на работе, если она разведётся с мужем - евреем.

Татьяна Михайловна Соболева так вспоминает об этом: "После того, как двери советской печати наглухо и навсегда передо мною закрылись, я поняла: быть женой еврея в стране победившего социализма наказуемо".

Летом 1958 года Соболев с женой находился в городе Озёры Московской области. По радио он услышал сообщение о том, что в это время в Германии в Бухенвальде на месте страшного концлагеря состоялось открытие Мемориала памяти жертв нацизма. А на деньги, собранные жителями ГДР, над мемориалом возвели башню, увенчанную колоколом, звон которого должен напоминать людям об ужасах прошедшей войны, о жертвах фашизма.

Сообщение потрясло Соболева, он заперся в комнате, а через 2 часа, как вспоминает вдова поэта, он прочитал ей:

**Сотни тысяч заживо сожжённых
Строятся, строятся в шеренги к ряду ряд.
Интернациональные колонны
С нами говорят, с нами говорят.
Слышите громовые раскаты?
Это не гроза, не ураган.
Это, вихрем атомным объятый,
Стонет океан, Тихий океан.
Это стонет,
Это стонет,
Тихий океан**

Таня плакала, слушая эти стихи. Соболев понёс их в центральный партийный орган - в "Правду", полагая, что там ими заинтересуются: война не так давно кончилась, автор-фронтовик, инвалид войны.

Там его встретили вполне дружелюбно, внимательно расспросили кто он, откуда, где работает и обещали прислать письменный ответ. Когда он получил ответ, в конверте лежали его стихи - перечёркнутые. Объяснений не было.

Тогда Соболев понёс их в "Труд", где уже публиковался ранее. В сентябре 1958 г. в газете "Труд" был напечатан Бухенвальдский набат" и там же ему посоветовали послать стихи композитору Ване Мурадели, что он и сделал. Через 2 дня Ваня Ильич позвонил по телефону и сказал: "Какие стихи! Пишу музыку и плачу. Таким стихам и музыка не нужна! Я постараюсь, чтобы было слышно каждое слово!!!".

Музыка оказалась достойной этих слов. "Прекрасные торжественные и тревожные аккорды эмоционально усилили мощь стихов".

Мурадели сам понёс эту песню на Всесоюзное радио, там Художественный совет передал песню на одобрение самому прославленному в то время поэту - песеннику, генералу песни, как его называли, Льву Ивановичу Ошанину.

Судьба песни, а также самого автора оказались полностью в руках Ошанина: он мог казнить и мог

миловать.

Соседи по Переделкино вспоминали, какой он был добрый и сердечный человек. В судьбе поэта Александра Соболева Ошанин сыграл роль простого палача, бессердечного убийцы, который своей бессовестной фальшивой оценкой, явно из недоброго чувства зависти, а, может быть, и просто по причине антисемитизма, перечеркнул возможность продвижения Соболева на официальную литературную работу, иными словами "отнял кусок хлеба" у безработного инвалида войны.

Ошанин заявил - это "мракобесные стихи: мёртвые в колонны строятся". И на песню сразу было повешено клеймо: "мракобесие". А Мурадели попеняли, что же это Вы, Ваню Ильич, так нерадиво относитесь к выбору текста для песен. Казалось бы, всё - зарезана песня рукой Ошанина.

Но Соболеву повезло: "...в это время в Советском Союзе проходила подготовка к участию во Всемирном фестивале молодёжи и студентов в Австрии. В ЦК ВЛКСМ, куда Соболев принёс "Бухенвальдский набат", песню оценили, как подходящую по тематике и "спустили к исполнению" в художественную самодеятельность. В Вене она была впервые исполнена хором студентов Свердловского университета и буквально покорила всех. Её тут же перевели практически на все языки, и участники фестиваля разнесли её по миру. Это был триумф!" Судьба "Набата" оказалась не подвластной ни генералу советской песни, ни тупым невежественным советским чиновникам. Вышло как в самой популярной песне самого генерала: "Эту песню не задушишь, не убьёшь, не убьёшь!.."

На родине в СССР песню впервые услышали в документальном фильме "Весенний ветер над Веной". Теперь уже и здесь остановить её распространение было невозможно. Её взял в свой репертуар Краснознамённый Ансамбль песни и пляски под управлением Бориса Александровича Александрова. Было выпущено около 9 миллионов пластинок с "Бухенвальдским набатом" без указания имени автора слов.

Соболев обратился к Предсовмина Косыгину с просьбой выплатить ему хотя бы часть гонорара за стихи. Однако правительственные органы не удостоили его хотя бы какого-либо ответа. Никогда он не получил ни одной копейки за авторство этой песни. Вдова вспоминала, что при многочисленных концертных исполнениях "Бухенвальдского набата" имя автора стихов никогда не называли. И постепенно в сознании слушателей утвердилось словосочетание: "Мурадели. Бухенвальдский набат".

В Советском Союзе, где государственный антисемитизм почти не был скрываем, скорее всего замалчивание авторства такого эпохального произведения было результатом указания сверху, в это же время советские газеты писали: "Фестиваль ещё раз продемонстрировал всему прогрессивному человечеству антивоенную направленность политики Советского Союза и великую дружбу народов, населяющих СССР. Это членами советской делегации была исполнена лучшая антивоенная песня фестиваля "Бухенвальдский набат". Это советский поэт призывал: "Люди мира, будьте зорче вдвое, берегите мир, берегите мир!".

Триумф достался только композитору, который получал мешками благодарственные, восторженные письма, его снимали для телевидения, брали у него интервью для радио и газет.

У поэта песню просто-напросто отняли, "столкнув его лицом к лицу с государственным антисемитизмом, о котором чётко говорилось в слегка подправленной народом "Песне о Родине". И с тех пор советский государственный антисемитизм преследовал поэта до самой смерти" (Майя Басс "Автор и государство").

Соболев в это время был без работы, в поисках работы, он обратился за помощью к инструктору Горкома партии, который ему вполне серьёзно посоветовал: "Учитывая вашу национальность, почему бы вам не пойти в торговлю?" Вдова его комментирует: "Это был намёк, что еврею в журналистике делать нечего".

Иностранцы пытались связаться с автором, но они наткнулись на непробиваемую "стену молчания" или ответы, сформулированные "компетентными органами": автор в данный момент болен, автор в данный момент в отъезде, автора в данный момент нет в Москве - отвечали всегда заботливые "люди в штатском".

Во время гастролей во Франции Краснознамённого Ансамбля песни и пляски имени А. В. Александрова (а завершал концерт всегда "Бухенвальдский набат") после концерта к руководителю Ансамбля подошёл взволнованный благодарный слушатель - пожилой француз и сказал, что он хотел бы передать автору стихов в подарок легковой автомобиль. Как он это может осуществить? Сопровождавший Ансамбль в заграничные поездки и присутствовавший при этом "человек в штатском" быстро ответил: " У нашего автора есть всё, что ему нужно!".

Александр Соболев жил в это время в убогой комнатёнке, которую он получил как инвалид войны, в многоквартирном бараке без воды и отопления и других элементарных удобств, он нуждался не только в улучшении жилищных условий, он просто нищенствовал на пенсии инвалида войны вместе с женой, уволенной с журналистской работы из-за мужа-еврея.

В период самой большой популярности "Бухенвальдского набата" Соболеву стали звонить недоброжелатели-завистники, иногда звонки раздавались среди ночи. Однажды один из таких звонящих сказал: " Мы тебя прозвали. Но голову поднять не дадим!.."

Это уже была настоящая травля!

В 1963 году песня "Бухенвальдский набат" была выдвинута на соискание Ленинской премии, но Соболева из числа авторов сразу вычеркнули из списков: не печатающийся, никому не известный автор, не член Союза советских писателей. А песня без автора слов уже не могла числиться в соискателях. Тем временем история авторства стала постепенно обрастать легендами. Одна из легенд, что стихи "Бухенвальдского набата" были написаны на стене барака концлагеря неизвестным заключённым.

Мурадели, человек уже "пуганый", прошедший вместе с Ахматовой и Зощенко через зловещий ад Ждановского Постановления 1946 года, молчал.

Он всегда молчал, когда дело касалось Соболева. Заступиться боялся даже в "бестеррорное" время.

А, впрочем, когда это террора не было? Сажали всегда, советские лагеря не были упразднены. Чтобы отстоять своё авторство, нужно было стать членом Союза Писателей, а для этого нужно было писать определённую продукцию. Соболев же не написал ни одной строчки восхваления коммунистической партии и её вождя "отца народов", поэтому членство в СП для него было закрыто. Из-под его пера выходили совсем другие стихи, не имевшие права на жизнь:

**Ох, до чего же век твой долог,
Кремлёвской банды идеолог --
Глава её фактический,
Вампир коммунистический.**

Только молодым нужно объяснять, что это о Суслове.

Или:

**...Утонула в кровище,
Захлебнулась в винище,
Задохнулась от фальши и лжи ...
А под соколов ясных
Рядится твоё вороньё.
А под знаменем красным
Жирует жульё да ворьё.
Тянут лапу за взяткой
Чиновник, судья, прокурор...
Как ты терпишь, Россия,
Паденье своё и позор?!...**

**Кто же правит сегодня твоею судьбой?
Беззаконие, зло и насилие!**

А вот "афганская тема" в его творчестве.
1980 год, воевать в Афганистан посылали 18-летних призывников, ещё совсем мальчишек.
Вот отрывок из стихотворения "В село Светлогорье доставили гроб":

**... И женщины плакали горько вокруг,
Стонало мужское молчанье.
А мать оторвалась от гроба, и вдруг
Возвысилась, как изваянье.
Всего лишь промолвила несколько слов:
- За них - и на гроб указала, -
Призвать бы к ответу кремлёвских отцов!!!
Так, люди? Я верно сказала?
Вы слышите, что я сказала?!
Толпа безответно молчала -
Рабы!!!...**

Или:

**... Я не мечтаю о награде,
Мне то превыше всех наград,
Что я овцой в бараньем стаде
Не брёл на мясокомбинат...**

**...Непобедимая, великая,
Тебе я с детства дал присягу,
Всю жизнь с тобой я горе мыкаю,
Но за тебя костями я лягу!...**

**...Не сатана, несущий зло вовек,
Не ценящий живое и в полушку,
А человек, подумать - человек! -
Свой дом, свою планету "взял на мушку"...**

Итак, несмотря на колоссальный всемирный триумф "Бухенвальдского набата" - его привёз даже на гастроли в Москву японский хор "Поющие голоса Японии", в Советском Союзе исполняли все самые лучшие солисты, Муслим Магомаев сделал очень волнующее блистательное представление, сопровождаемое документальными кинокадрами времён войны, оркестром и колокольным звоном Мемориала в Бухенвальде

* <http://www.youtube.com/watch?v=8pZ4uqHTwkY> ,

После создания "Бухенвальдского набата" он прожил 28 лет в атмосфере вопиющей несправедливости, удушающего беззакония и обиды, и только огромная любовь к Тане, дарованная ему свыше, и безмерная ответная любовь Тани к нему помогали ему выжить, не сломаться и даже чувствовать себя счастливым и продолжать писать стихи и автобиографический роман "Ефим Сегал - контуженый сержант".

Звоном с переливами
Занялся рассвет,
А меня счастливее
В целом мире нет.
Раненный, контуженный
Отставной солдат,
Я с моею суженой
Нищий, да богат...

А вот ещё:

С тобой мне ничего не страшно,
С тобой - парю, с тобой - творю
Благословляю день вчерашний
И славлю новую зарю.
С тобой хоть на гору,
За тучи,
И с кручи - в пропасть,
Вместе вниз.
И даже смерть нас не разлучит.
Нас навсегда венчала Жизнь.

В 1986 году после долгой тяжёлой болезни и онкологической операции Александр Владимирович Соболев умер.

Ни в одной газете не напечатали о нём ни строчки. Ни один "деятель" от литературы не пришёл проститься с ним. Просто о нём никто не вспомнил..." М. Токарёв
После его смерти вдова - Татьяна Михайловна Соболева с помощью Еврейской Культурной Ассоциации издала небольшим тиражом сборник стихов "Бухенвальдский набат", подготовленный ещё самим автором.

Она продала, унаследованную ею от матери, трёхкомнатную квартиру, чтобы издать автобиографический роман "Ефим Сегал - контуженный солдат" тиражом 1000 экземпляров и свою повесть о муже "**В опале честный иудей...**" - 500 экземпляров.

Известное высказывание Фебина: "Я не знаю автора стихов, не знаю других его произведений, но за один "Бухенвальдский набат" я бы поставил ему памятник при жизни". (Константин Фебин (1892 - 1977) - первый секретарь правления Союза Писателей СССР с 1959 по 1971 и председатель правления его с 1971 по 1977 гг., активный участник травли Пастернака и высылки Солженицына.)

В 2002 году вдова А.В. Соболева четыре раза обращалась к президенту России В. В. Путину с письмом - ходатайством об установке в парке Победы на Поклонной горе Плиты с текстом

"Бухенвальдского набата". Четвёртое её письмо Путин направил для решения вопроса в Московскую городскую думу. И Дума решила... единогласно... отклонить. Зато родному сынку - генералу советской песни Льву Ошанину в Рыбинске на набережной Волги установлен памятник: возле парапета Лев Иванович с книгой в руках смотрит на реку. Справедливости ради, нужно сказать, что одна песня Л.И. Ошанина, написанная им в 1962 году, через 4 года после публикации в "Труде" "Бухенвальдского набата", действительно, пленила и очаровала всех советских людей, но на мировой масштаб она не тянула. Это всем известная песня: "Пусть всегда будет солнце". Ради той же справедливости, необходимо заметить, что Корней Иванович Чуковский в своей книге "От двух до пяти" (многие из нас читали её в детстве) сообщает, что в 1928 (!) году одному четырёхлетнему мальчику объяснили значение слова "всегда" и он написал четыре строчки:

**Пусть всегда будет солнце
Пусть всегда будет небо
Пусть всегда будет мама
Пусть всегда буду я**

Дальше Чуковский пишет, что это четверостишие четырёхлетнего Костика Баранникова было опубликовано в статье исследователя детской психологии К. Спасской в журнале "Родной язык и литература в трудовой школе". Затем они попали в книгу К.И. Чуковского, где их увидел

художник Николай Чарушин, который, под впечатлением этих четырёх строчек написал плакат и назвал его: "Пусть всегда будет солнце".

Факты - не только упрямая, но и жестокая вещь.
Евреи - побочные дети России...
**От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин,
Если он, конечно, не еврей!**

1936 г. "Песня о Родине", слова Лебедева-Кумача, музыка Дунаевского (последняя строчка - народная обработка).

**...Я плачу, я слёз не стыжусь и не прячу,
Хотя от стыда за страну свою плачу...**

Памятник неизвестному поэту
[Анатолий Берлин](#)
Люди мира, на минуту встаньте!
Исак (Александр) Соболев

**У святых – суровы лица...
И величественный Храм –
Символ Северной столицы –
Лёг к застуженным ногам.
Преподобный Исаакий –
Кто задумал образ твой?**

Только в Храме может всякий
Голосить за упокой.
Век за веком забирался
Страх под кожу у людей,
А в Москве Исаком звался
Беспартийный иудей.
Не кликушествовал всеу,
Не боялся стукачей,
Жил поэт, судьбой рискуя,
И не славил палачей.
Несгибаем, словно воля,
Усмиряя гнев и страсть,
Словом, стиснутым до боли,
Бичевал родную власть.
Отдан сукам на закланье,
Изувеченный войной,
Прозябал в глухом изгнанье
Вместе с женщиной святой.
В нежном сердце буря крепла,
Колокольный звон стоял,
Это ожили из пепла
Те, кого он потерял.
Монументом для поэта
Бухенвальдский стал набат,
Он разнёсся над планетой,
Приумноженный стократ.
Завещали ветераны
Не молчать колоколам...
Мир залечивает раны,
Стонет Тихий океан.

